

Г.С. Чистяков

Старообрядчество и русская культура

В первые годы своего существования старообрядчество воспринималось как исключительно духовное, религиозное течение, внутрицерковная буквалистская оппозиция. И действительно, реформы патриарха Никона на первых порах затронули видимым образом лишь небольшую часть обрядовых, богослужебных форм церковной жизни. В культурологическом контексте, для внешнего наблюдателя, сторонники и противники реформы оставались какое-то время полностью идентичны. Однако чем дальше, тем стремительней разлетались в разные стороны осколки некогда единой древнерусской Церкви. К концу XVII в., и особенно в начале XVIII в., после кончины последнего российского патриарха Адриана, разделение между новообрядчеством и старообрядчеством стало культурологическим, эстетическим и мировоззренческим фактором. Неслучайно поэтому церковную реформу XVII в. иногда называют никоно-петровской. Начавшись с патриаршей «Памяти» 1653 г., отменившей всего лишь незначительную часть земных поклонов во время Великого поста, она завершилась торжеством блестящих петровских ассамблей и отказом от всего исконно национального и старорусского. Новая, уже имперская Россия, увлекая за собой синодальную Церковь, стремительно

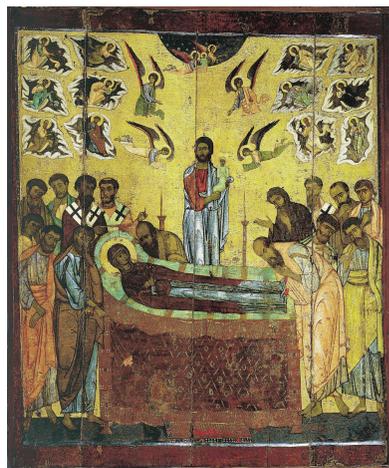
осваивала европейский образ жизни, европейские обычаи, манеры и культуру, тогда как в старообрядчестве проявлялись охранительные, консервативные черты. Под чудовишным натиском государства и официальной Церкви старообрядчество стремилось не только выжить, но и как можно более тщательно сохранить, запечатлеть наследие Древней Руси.

Физическое сохранение духовных памятников было одной из главных задач в годы гонений на старую веру. Старинные образы выкупались и выменивались в новообрядческих церквях и монастырях. После этого иконы попадали в старообрядческие храмы и часовни, в крупные купеческие коллекции, как правило, размещавшиеся в домашних молельных. Что ожидало бы старинные иконы, если бы не староверы? Однозначно сказать нельзя. Часть образов «по ветхости» могла быть уничтожена. Еще часть икон была бы переписана в соответствии с «никоновыми новинами». Ряд икон, «противных учению православной Церкви», могли быть как исправлены, так и уничтожены или отправлены в Министерство внутренних дел, а оттуда, например, в Музей христианских древностей Императорской Академии художеств. Впрочем, тут все зависело от степени ревностности и образованности новообрядческого причта. Хрестоматийным примером отношения официальной Церкви к древнерусскому наследию является случай со знаменитой иконой рублевской школы «Спас Звенигородский», ставшей ныне символом православной иконописи и образом Святой Руси. Икона «Спас Вседержитель» была обнаружена в 1918 г. комиссией Грабаря в дровяном сарае одного из звенигородских храмов.

В то время как в синодальных храмах расцветало барокко и итальянская живопись, старообрядцы всеми силами старались сберечь старинные иконы. Вот лишь несколько примеров. В 1850 г. в Ярославле началось следствие о поморской молельной, что за Леонтьевской церковью. В 1851 г. молельная была закрыта, а все богослужебные принадлежности из нее вывезены на рассмотрение начальства в Ярославскую духовную консисторию. В итоге 65 икон и 35 книг были признаны противными учению православной Церкви и отправлены в Министерство внутренних дел. Там иконы находились около 8 лет и в 1860 г. были переданы в Музей христианских древностей при Императорской Академии художеств.

Что же было изображено на иконах, обреченных на такое скитание? Например, об иконе «Успение Пресвятой Богородицы»

эксперты господствующей Церкви составили следующее заключение: «Икона Успения Божией Матери... При сопровождении тела Божией Матери ко гробу изображен присутствующим вместе с другими Апостолами и апостол Фома, а апостол Иоанн несомый на облаках к сопровождению тела вместе с другими Апостолами. Замечания: ...при сопровождении тела Божией Матери ко гробу изображен на иконе и Апостол Фома, не бывший при оном, как говорит нам церковное предание. Да и апостол Иоанн не был восхищен облаком к погребению Божией Матери, то икона сия признается несогласною с учением Православной Церкви». Надо заметить, что описанный «знаками» от господствующей Церкви извод иконы, вероятнее всего, называется «Облачным Успением» — вариант изображения Успения с фигурками апостолов, летящих к дому Богоматери. Одной из ранних икон такого извода является «Успение Богоматери» начала XIII в., из собрания ГТГ.

*Успение Богоматери.
Икона нач. XIII в.*

Не более «убедительные» основания были для изъятия и иконы святителя Николая Чудотворца: «Образ Николая Чудотворца... На сем образе Святитель изображен везде благословляющим, где только благословляет, сложа персты указательный и средний прямо, а последние три — совокупя концы пальцев вместе... Замечания: сложенные персты Святителя противно учению Святой Церкви». Уточним, что святитель Николай был изображен с традиционным для древней иконописи двуперстием. На таких же основаниях были признаны «противными учению Православной Церкви» иконы XVI–XVII вв.

Самым известным и документированным случаем покупки старинных икон из новообрядческого храма стала, без сомнения, история купца-старовера федосеевского согласия Николая

Андреевича Папулина. Н.А. Папулин обвинялся в незаконном приобретении 1350 икон из Благовещенского собора в Сольвычегодске. По ложному обвинению Папулин был осужден и сослан. Разобраться в этом непростом вопросе позволяет подлинное делопроизводство о Н.А. Папулине, сохранившееся в Российском государственном историческом архиве в Петербурге. Как оказалось, преосвященный Онисифор, епископ Вологодский и Устюжский, еще в 1814 г. обратился в Синод с просьбой разрешить продажу ряда соборных драгоценностей из Благовещенского собора Сольвычегодска через московскую Синодальную контору. Ходатайство было вызвано необходимостью произвести ремонт храма и поддержать соборное духовенство. Первоначально предполагалось реализовать малую часть украшений с образов и облачений, однако затем духовенство смекнуло, что под предлогом исправления ветхостей собора можно пустить в продажу гораздо большее количество устаревших по тогдашним меркам церковных предметов. Положение усугубил случившийся в 1819 г. пожар в соборе. Это уже однозначно давало возможность причту устроить распродажу храмового имущества. В качестве покупателя был выбран купец Н.А. Папулин. Вологодская духовная консистория подписала указ от 23 января 1822 г., разрешающий продажу образов, и реестры икон с обозначением их количества и стоимости. Согласно данным реестров, иконы, вывезенные в первый раз (в 1822 г.), происходили из центрального Благовещенского и придельных храмов — во имя Рождества Богородицы, апостола Петра и Феодора Сикеота. Общее количество икон, не считая ветхих, составляло 227 номеров. Вторая партия, вывезенная в 1823 г., включала иконы из центрального и придельных иконостасов, а также из сгоревшей Сретенской церкви. В нее вошли 19 складней и 58 образов. Стоимость икон в реестре не обозначена. Наконец, в 1826 г. Папулину были выданы по двум свидетельствам 15 ветхих складней и 40 ветхих икон, оцененных в 2200 рублей.

Интересно, что в XX в., после революционных потрясений октября 1917 г., традиция сбережения старорусского наследия в среде старообрядческой эмиграции была продолжена. Особое место здесь заняло общество «Икона», созданное по инициативе известного старообрядческого предпринимателя Владимира Павловича Рябушинского (1873–1955). Основанное в 1927 г., оно вобрало в себя лучшие искусствоведческие и творческие силы русской послереволюционной эмиграции. Помимо

В.П. Рябушинского и его старшего брата С.П. Рябушинского, в него вступили такие известные деятели русской культуры и покровители искусства, как писатель и искусствовед П.П. Муратов, художник И.Я. Билибин, церковный и общественный деятель князь Г.Н. Трубецкой и многие другие. Первоначально общество действовало как научно-исследовательское объединение любителей древнерусского изобразительного искусства, однако впоследствии,

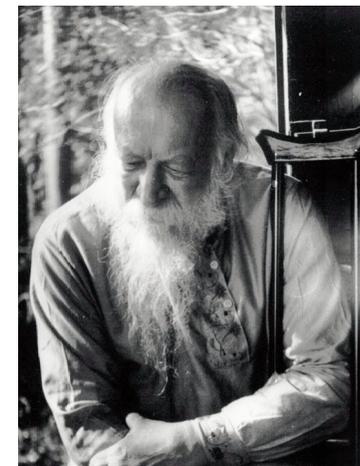

В.П. Рябушинский

уже в 40-е годы, его деятельность была не столько научной, сколько популяризаторской или была посвящена распространению русского искусства, главным образом иконописи и архитектуры. Членами общества стали многочисленные иконописцы, которые занимались возрождением канонической русско-византийской иконописи. Среди членов общества «Икона» были известные архитекторы, такие как Н.И. Исцеленнов и А.Н. Бенуа, авторы многочисленных проектов храмов в старорусском стиле. Можно сказать, что деятельность общества «Икона» привела к всемирному признанию древнерусского художественного наследия, его эстетической реэмиграции уже в самой России во время церковного возрождения 90-х годов XX в. Вместе с тем, надо отметить, что сам основатель общества «Икона» В.П. Рябушинский, помимо работы в обществе, продолжал размышлять и писать о собственно старообрядческих вопросах. В конце 30-х годов вышла его книга «Старообрядчество и русское религиозное чувство», которая стала своеобразным философским манифестом старообрядчества. Близкий друг Рябушинского архитектор Н.И. Исцеленнов уже позднее, по случаю кончины Владимира Павловича, в некрологе писал: «Его идеи заключались в том, что русскому народу в его сокровенных глубинах и толщах дана способность крепко держаться на своих корнях древнего исконного Православия, которые пронизывали не

только Церковь, но и быт и даже экономику России».

Среди других эмигрантских объединений старообрядцев можно назвать «Кружок ревнителей русской старины», основанный в Риге известным старообрядцем-федосеевцем Иваном Никифоровичем Заволоко (1897–1984). Даже после того, как деятельность кружка была прервана советским вторжением в Латвию, а уникальный журнал «Родная старина», издаваемый Заволоко, был закрыт, он успел сделать немало для российской культуры. В частности, Иван Никифорович оказал бесценные услуги отечественной археографии, разыскав многие уникальные исторические документы, такие как «Повесть о погибели земли Русской» и «Пустозерский сборник». Сегодня в Институте русской литературы РАН существует фонд И.Н. Заволоко, состоящий из его рукописного собрания и личного архива.

И.Н. Заволоко

Важно отметить, что старообрядчество отнюдь не заостенело в непрерывных репликах дораскольных икон, копировании других образцов древнерусского искусства. Творчески перерабатывая наследие, оно формировало целые художественные направления в изобразительном искусстве, книгоиздании и музыке.

Одним из таких направлений явилось уникальное, малоразвитое вне старообрядчества, искусство литья медных икон, крестов и других предметов церковного обихода. Запрещенное в синодальной Церкви отдельным указом за якобы «неискусность», оно получило не только широкое распространение в России в XVIII — начале XX в., но и достигло высокого художественного уровня.

В одном из документов МВД 1840-х годов значится: «...отличные медные кресты и иконы, известные под названиями: загарских, поморских, погостских и других, из коих первые два сорта отливают в Московской, а последние во

Владимирской губернии... иконы сии имеются почти во всех избах и других жилищах и вывешиваются в селениях над воротами домов, на судах и проч. Сверх того, сими иконами крестьяне благословляют детей своих, отлучающихся в дальние дороги или поступающих в рекруты, и образа сии остаются потом у них на целую жизнь...». Наибольшую художественную ценность приобрели литые иконы Выго-Лексинского общежития, а также мастерских подмосковных Гуслиц. Сегодня старообрядческой медно-литой пластике посвящены витрины экспозиций ряда музеев. Отдельный фонд литья имеется в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

Не меньшее значение в истории культуры имели старообрядческие школы иконописи. Их изучение началось сравнительно недавно — во второй половине XX в. Сейчас академически признанными считаются пять таких школ. Они характеризуются особой манерой письма и исторически состоявшимися сообществами иконописцев. Так, Невьянская школа, достигшая своего расцвета в конце XVIII в., представляла собой сообщество из полутора десятка семей или артелей потомственных мастеров, снабжавших своими удивительными иконами практически весь Урал и Сибирь. Не так давно началось изучение Сызранской школы старообрядческой иконописи. По мнению исследователей, она представляет собой продолжение «греческого» канона в лучших традициях русского иконописного творчества и характерного старообрядческого стиля. Ныне широко известны Ветковское, Гуслицкое и Поморское направления старообрядческой иконописи.

Старообрядческая иконопись сыграла важную роль в развитии художественных народных промыслов Палеха и Мстёры, а в конце XIX в. она повлияла и на возрождение канонической иконы в синодальной Церкви. Она во многом обусловила взлет неорусского стиля в разных областях искусства Российской империи этого периода. Старообрядческие иконописцы и реставраторы, такие как Яков Алексеевич Богатенков (1875–1941), были впоследствии привлечены и к реставрации храмов Московского Кремля.

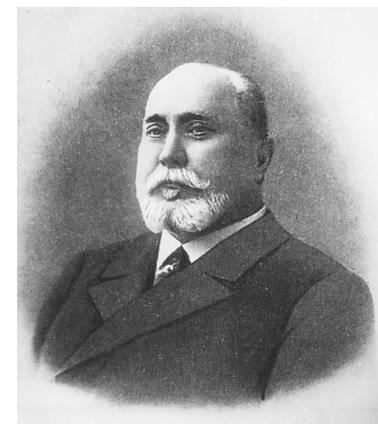
Я.А. Богатенков

Что касается подмосковного района Гуслицы, то следует отметить, что он в XIX в. являлся настоящим заповедником старообрядческого искусства. Изукрашенные гуслицкие книги знаменного распева стали непревзойденным эталоном рукописного мастерства и орнаментики. Неслучайно поэтому во время своего первого визита в США Михаил Горбачев привез с собой экспозицию гуслицких певческих книг, которые были представлены в Библиотеке Конгресса.

В старообрядческих крестьянских библиотеках вплоть до наших дней любовно сохранялись редкие старопечатные книги и рукописи, которые ныне пополняют музейные коллекции и археографические фонды.

Важно упомянуть, что старообрядцам принадлежит первое российское археографическое и палеографическое исследование. Знаменитые «Поморские ответы», в которых была дана научная критика подложного исторического документа «Деяния киевского собора на армянина еретика Мартина», принадлежали перу выговских пустынножителей и в первую очередь Андрею Денисову.

Старообрядческие мастера, художественные артели и фабричные производители становились законодателями моды и в чисто светских сферах бытовой культуры. Фабрики знаменитого старообрядческого предпринимателя и мецената Матвея Сидоровича Кузнецова (1846–1911) установили массовый, но высокий стандарт производства фарфоровой и фаянсовой посуды. Фабрики Кузнецова, работавшие в Риге, Дулёве, Гжели, Кузнецове

М.С. Кузнецов

(ныне Конаково) и других городах производили не менее двух третей российской фарфоровой и фаянсовой посуды. Своими художественными достоинствами славились не только отменный кузнецовский фарфор, столовая и чайная посуда, но и терракотовые фигурки, вазы, великолепные изразцы для печей, расписанные со строгим соблюдением стиля древнерусских рисунков.

Художественные мастерские Кузнецова сотрудничали с некоторыми известными российскими художниками такими, как, например, М.А. Врубель. На фабриках Кузнецова изготавливались уникальные фаянсовые иконостасы, которые были установлены в более чем 20 храмах России и стран Европы. Продукция старообрядческого предпринимателя получила мировую славу. Свидетельство тому — золотые медали на Всемирных выставках в Париже в 1889 и 1900 гг., «Гран-при» на выставке в Реймсе в 1903-м и Льеже в 1905 г.

Старообрядчество как феномен духовной жизни русского народа, как серьезнейшее историческое явление и яркая бытовая традиция повлияло, конечно же, и на русскую литературу. К старообрядческой теме в той или иной степени обращались такие писатели, как И.И. Лажечников, М.И. Загоскин, В.А. Соллогуб, Д.Л. Мордовцев, Ю.Н. Тынянов, С.В. Максимов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, П.Д. Боборыкин, М.М. Пришвин, И.С. Шмелев. Большое место тема старообрядчества занимала в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского. Однако наибольшую известность получили сочинения Н.С. Лескова и П.И. Мельникова (Печерского). Романы «В лесах» и «На горах» П. И. Мельникова, посвященные жизни нижегородского старообрядчества, стали настоящей энциклопедией жизни русского народа. Эта, доселе неизвестная светским читателям отечественная Атлантида, была представлена убедительными человеческими характерами, где индивидуальное и типическое переплеталось. Мастерство писателя еще и в том, что в его сочинениях были преодолены идеологические клише, сложившиеся в отечественной литературе по отношению к старообрядцам.

Уже в XX в. старообрядческая тема нашла свое место в сочинениях таких авторов, как В.А. Бахревский (род. в 1936) — исторические романы «Тишайший», «Никон», «Аввакум», В.В. Личутин (род. в 1940) — роман «Раскол», А.В. Иванов (род. в 1969) — роман «Золото бунта», К.Ф. Зиганшин (род. в 1950) — повесть «Скитники», и у многих других. Не осталось в стороне от темы

церковного раскола и кино. Большое внимание телезрителей и любителей истории привлек двадцатисерийный фильм «Раскол» (2011, режиссер Н.Н. Досталь).

Однако не только в сохранении и развитии традиционной русской культуры можно отметить особую роль старообрядцев. Уверенно можно говорить об участии выходцев из старообрядческой среды в развитии литературы XX в. в то время, когда в традиционную русскую словесность стал входить модернизм. Это, например, поэт Николай Клюев и писатель Сергей Клычков.

Николай Клюев, родившийся в семье крестьян-беспоповцев Олонецкой губернии, становится духовным лидером группы так называемых новокрестыанских поэтов. В своих сочинениях, написанных в десятые годы XX в., Клюев использовал мотивы и интонации древнерусских былин, духовных стихов и плачей. Творчество Клюева произвело сильнейшее впечатление на другого известнейшего поэта первой половины прошлого столетия и тоже, по-видимому, выходца из старообрядческой среды Сергея Есенина. Есенин, называвший Клюева «апостолом нежным», можно сказать, сформировался под влиянием его личности.

Сергей Клычков, уроженец села Дубровка Тверской области, также происходил из старообрядческой среды и входил в кружок новокрестыанских поэтов. Однако более интересной была его проза. «Чертухинский балакирь» и «Сахарный немец» по праву можно отнести к классике литературы первой половины XX в. Как и Клюев, Клычков творчески использовал в своих произведениях символы Древней Руси, исконного сельского быта.

И Клычков, и Клюев оказались неугодными новой власти. На них посыпались упреки в пропаганде религиозности. «Бард кулацкой деревни» — так называлась статья, посвященная С. Клычкову, в журнале «Печать и революция» (1929). В 1937 г. оба они были арестованы, обвинены в организации «монархического заговора» и расстреляны.

Отдельной страницей в истории отечественной культуры стало старообрядческое меценатство. Достаточно вспомнить деятельность Николая Павловича Рябушинского, человека даровитого, ценителя и покровителя искусства. Благодаря ему издавался едва ли не самый роскошный по своему художественному оформлению литературно-искусствоведческий журнал дореволюционной России «Золотое руно», организовывались выставки русских и

Н.П. Рябушинский

зарубежных художников. Рябушинскому принадлежала крупная коллекция выдающихся произведений искусства, впоследствии переданная в музеи советской Москвы. Вопреки досужим разговорам, он был не только кошельком, но еще и сердцем многих начинаний в художественной жизни своего времени. Н.П. Рябушинский искренне желал вдохнуть воздух высокого и чистого мира искусства в повседневную жизнь, «зажечь сердца» и «навести на мир позолоту».

Нужно вспомнить и Савву Тимофеевича Морозова. В 1898 г. он вошел в состав Товарищества для учреждения в Москве театра и регулярно вносил большие пожертвования на строительство и развитие МХАТа, инициировал строительство нового театрального здания. За границей на его деньги были заказаны самые современные приспособления для сцены (осветительное оборудование в отечественном театре впервые появилось именно здесь).

Сегодня старообрядчество продолжает оказывать влияние на русскую культурную жизнь. Древнее знаменное пение, сохраненное в старообрядческих общинах, становится достоянием широкой общественности, школы и кружки по изучению знаменного пения появляются при православных храмах и в светских музыкальных учебных заведениях.

Весьма важную археографическую и культурологическую роль сегодня играют старообрядческие общины «дальней эмиграции». Ученые посещают староверов в Северной и Южной Америке, Австралии,

С.Т. Морозов

европейских странах. Там они исследуют сохранившиеся элементы культуры и языка, уже давным-давно исчезнувшие на территории самой России.

Тема влияния старообрядчества на развитие русской культуры практически неисчерпаема. Думается, что это огромное наследие, значимость которого сравнительно недавно стала признаваться обществом, еще сыграет немалую роль в цивилизованном облике современной и будущей России.

